

Глава 24 часть 3

В здании суда шериф Чендлер гордо стоял у двери зала заседаний, а несколько полицейских внимательно следили за ним.

Увидев Эвана, он помахал ему: «Преподобный Брюс! Сюда!»

Эван быстро прошёл по коридору. Шериф Чендлер улыбнулся и похлопал его по плечу: «Я думал, вы не придете. Почему вы передумали?»

Запыхавшись, Эван быстро заговорил: «Шериф, вы арестовали не того человека».

Шериф Чендлер удивился словам Эвана, а затем громко рассмеялся: «Мой добрый преподобный, не шутите со мной!»

«Я не шучу», — у Эвана было серьёзное выражение лица, « Я нашёл улики, пожалуйста, остановите суд!»

Потрясённый шериф Чендлер посмотрел на Эвана: «Вы... Вы говорите правду?»

Эван серьёзно кивнул: «Это вопрос, касающийся человеческой жизни, пожалуйста, отнеситесь к этому серьёзно».

Окурок в руке шерифа Чендлера упал на землю. Он очнулся и помахал полицейскому, стоявшему позади него: «Иди к судье Конвиллу и скажи ему, что полиция нашла новые улики. Так что сегодняшней суд придётся отложить».

Полицейский был шокирован, как будто не верил, что шериф поверит в эту чушь. Он хотел вмешаться, но шериф Чендлер безжалостно отмахнулся от него: «Больше ни слова! Уходи скорее!»

Полицейский быстро побежал в кабинет судьи.

Шериф Чендлер многозначительно посмотрел на Эвана и торжественно произнёс: «Преподобный, я доверяю вашему мнению, но надеюсь, что вы понимаете, что делаете».

Эван посмотрел на шерифа с улыбкой на губах: «Конечно, я это знаю. Можете быть спокойны».

На этот раз дело должно закончиться. После стольких дней сомнений он наконец-то получил ответы. Но действительно ли это место — романтический мир, наполненный розовыми пузырьками?

Судья Конвилл был очень зол. Не только потому, что шериф Чендлер самовольно решил отложить судебное заседание, но и потому, что шериф Чендлер так грубо вытащил его с удобного дивана в этот пустой зал. А перед ним сидел необычайно красивый молодой священник.

«Преподобный», — судья Конвилл — набожный протестант, поэтому, обращаясь к священнику, он старался скрыть своё недовольство. «Шериф Чендлер сказал, что у вас другое мнение по этому делу. Это правда?» Судья Конвилл с подозрением посмотрел на Эвана.

Эван мягко посмотрел на судью Конвилла и улыбнулся: «У меня есть своё мнение, и я бы хотел, чтобы вы выслушали мои показания».

Судья Конвилл нахмурился: «Преподобный, дело не в том, что я вам не доверяю. Как свидетельствует Бог, самые уважаемые люди в мире — это священники. Но я должен сказать, что это дело для меня предельно ясно, а вы не профессиональный детектив. Не слишком ли опрометчиво с вашей стороны говорить такое?»

Эван в полной мере понимал, что пытался донести до него консервативный судья. На самом деле он не хотел привлекать к себе внимание в подобных вопросах, но, поскольку речь шла о человеческой жизни, он не мог просто закрыть глаза.

«Судья, в конце концов, это дело касается человеческой жизни. Прежде чем выносить решение, пожалуйста, выслушайте меня. Я не могу избавиться от сомнений, когда дело касается такого вопроса», — осторожно заговорил Эван.

Судья Конвилл был вынужден согласиться с такой высокопарной риторикой. Он был судьёй более тридцати лет, и впервые его поучал священник.

В этот момент кто-то вошёл в зал под громкие аплодисменты. Эван и судья Конвилл одновременно оглянулись.

Герцог Уилсон вышел из тени и с благодарностью посмотрел на Эвана: «Преподобный, ваше сострадание тронет и Бога».

Увидев, что это герцог Уилсон, судья Конвилл изменился в лице. Он тут же подошёл к герцогу и почтительно поклонился: «Лорд герцог».

Герцог Уилсон высокомерно приподнял уголки губ: «Судья Конвилл, ваше решение совершенно верно».

Судья Конвилл был в восторге: «Спасибо за комплимент. Преподобный Брюс — достойный уважения человек, и я, как судья, естественно, не хочу отнимать невинную жизнь».

Герцог Уилсон удовлетворенно кивнул.

Эван смутился. Хотя он и хотел завоевать расположение герцога, даже если тот толстокожий, он покраснел от такого явного восхищения.

«Я не заслуживаю вашего комплимента. Я знаю об этом деле не больше, чем кто-либо другой, но и не меньше. Я просто надеюсь, что смогу в полной мере описать то, что мне известно, прежде чем наш уважаемый судья вынесет решение». Эван слегка кивнул судье.

Судья Конвилл был очень доволен комплиментом Эвана, и на его лице даже появилась улыбка.

Уголки губ герцога Уилсона слегка приподнялись в едва заметной улыбке, и его взгляд смягчился, когда он посмотрел на Эвана.

В это время прибыл шериф Чендлер со всеми заинтересованными сторонами. Шериф Чендлер был очень удивлён, что герцог оказался там. Но для него это было хорошо, потому что, в конце концов, давать показания герцогу было очень почётно.

Миссис Лоуренс, из-за длительного заключения, выглядела очень измождённой. Её лицо было бледным, и она смотрела себе под ноги, безразличная ко всему вокруг.

Хотя мистер Лоуренс не страдал от боли, которую причиняло заточение, его лицо выглядело ещё более уродливым, чем лицо миссис Лоуренс. Его обычная грациозность теперь полностью исчезла, одежда была мятой, а щетина на лице — очень густой. Он смотрел на миссис Лоуренс с глубокой печалью в глазах.

Миссис Сандерс стало лучше, мистер Чендлер поддерживал её, и на лице у неё было спокойное выражение. Только когда она посмотрела на пару Лоуренс, в её глазах появилась ненависть.

С другой стороны, доктор Хестер отвел Алию в сторону. У неё было растерянное выражение лица, и она не знала, куда деть руки. Алия успокоилась и взяла доктора Хестер за руку.

Теперь, когда все заинтересованные стороны прибыли, шериф Чендлер встал посреди зала и сказал: «Дамы и господа, все должны понимать, зачем я собрал вас здесь в это время. Что касается смерти мистера Джона Лоуренса, я вынес свой вердикт и получил признание миссис Лоуренс в совершении преступления, но теперь преподобный Брюс оспаривает мой вывод».

Когда шериф сказал это, все были шокированы, особенно миссис Лоуренс, которая в панике посмотрела на Эвана.

«Вы...вы не можете..». Пробормотала миссис Лоуренс.

Эван посмотрел на миссис Лоуренс, слегка изогнув губы в улыбке: «Миссис Лоуренс, я глубоко восхищаюсь вашей жертвой, но такая жертва бессмысленна. Каждый должен платить за свои поступки. Ваша жертва не позволит душе маленького Джона упокоиться с миром».

Ноги миссис Лоуренс подкосились, и она чуть не упала на колени: «Нет... нет... Я всё это сделала, мой Джон, мой Джон был убит мной».

Эван посмотрел на неё с жалостью в глазах: «Тогда зачем ты убила Джона?»

В панике миссис Лоуренс огляделась и, увидев миссис Сандерс, почувствовала, как из глубины её души поднимается глубокое отчаяние: «Я... Я не знаю, я случайно убила его. Я не хотела... Пожалуйста...»

Эван глубоко вздохнул: «Я уважаю вас, но, пожалуйста, уважайте когнитивные способности всех присутствующих здесь. Рана Джона была нанесена ударом левой руки. Если вы убили Джона по ошибке, то вам нужно было одной рукой держать эту тяжёлую лампу, чтобы ударить Джона, который как минимум на десять дюймов выше вас. Понимаете, вы худенькая, и я не думаю, что вы могли сделать это случайно».

Все взгляды были прикованы к худому телу миссис Лоуренс. На ней была одежда самого маленького размера, но она всё равно выглядела худой. Миссис Лоуренс всегда гордилась своей фигурой, но в этот момент она стала фатальным недостатком.

В этот момент шериф Чендлер внезапно заговорил: «А что насчёт порочности Джона?»

Посмотрев на миссис Лоуренс, он увидел, что её лицо ничего не выражало, когда она услышала этот вопрос.

Эван кивнул шерифу: « Спасибо за вопрос шериф. Теперь мы ясно видим, что миссис Лоуренс не знала о порочности Джона. Порочность, о которой она говорит, — это настойчивое желание Джона обручиться с мисс Алией. Она ничего не знает о тёмной стороне Джона».

Услышав это, миссис Лоуренс, казалось, ухватилась за соломинку и закричала: «Я знаю! Я знаю!»

Эван лишь мягко улыбнулся: «Моя дорогая леди, пожалуйста, больше не обманывайте нас. Только Джимми знал о порочности Джона, и он рассказал об этом только одному человеку».

Эван посмотрел на мистера Лоуренса, который стоял позади миссис Лоуренс, опустив голову. С самого начала он стоял прямо, как мёртвая древесина, и не произносил ни слова.

Но когда Эван закончил говорить, он, наконец, поднял голову и разрыдался.

Миссис Лоуренс словно обезумев, набросилась на мистера Лоуренса. Она крепко обняла его и хрипло закричала: «Уходи! Убирайся отсюда! Это место проклято Богом! Оно поглотит тебя! Все хотят тебя подставить! Мой бедный Джон!»

При крещении мистера Лоуренса тоже звали Джон.

Мистер Лоуренс не двигался, как будто что-то удерживало его, и не двигаясь, позволил миссис Лоуренс рвать на нём одежду.

«Вы имеете в виду меня?» — Мистер Лоуренс с облегчением посмотрел на Эвана.

Эван с сожалением кивнул и протянул письмо, которое держал в руке, шерифу Чандлеру.

Содержание письма Джимми было очень простым. Он написал, что в ту ночь рассказал всё мистеру Лоуренсу, но, к сожалению, мистер Лоуренс не оценил его честность и выгнал из особняка Вулидж, предупредив, чтобы он не нёс чепуху.

Бедняга Джимми в спешке ушел, но ему стало жаль маленького Джона, и он вернулся в поместье, чтобы извиниться перед Джоном. Когда он подошёл к дому, то увидел, как мистер Лоуренс выходит из него.

На следующий день новость о смерти Джона распространилась по всему Деланлиеру. Джимми, как перепуганный кролик, быстро запрыгнул в первый попавшийся поезд и уехал из Деланлиера. Он написал письмо перед отъездом, но из-за его неразборчивого почерка правда всплыла только сейчас.

Потрясённый шериф Чендлер уставился на мистера Лоуренса. Он не мог поверить, что этот джентльмен перед ним совершил такое шокирующее деяние. Он скорее поверил бы, что это сделала миссис Лоуренс.

«Тогда... Что насчёт броши?» — когда он, наконец, отреагировал, шериф Чендлер с нетерпением в глазах посмотрел на Эвана.

Эван посмотрел на миссис Лоуренс. «Шериф, вы мужчина, и вам, возможно, трудно понять женскую любовь к украшениям. Миссис Лоуренс — икона стиля в Деланлиере. Она носит самые роскошные вечерние платья в лондонском стиле. Она любит устраивать званые ужины и хвастаться собой. Ей очень хочется жить на широкую ногу. Я не могу понять, почему такая женщина никогда не надевала уникальную в мире брошь, когда получила её. Вместо этого он упал в огонь и был найден рядом с телом её любимого сына, и она не стала его искать».

Эван подошёл к миссис Лоуренс, пока говорил. Она посмотрела на него почти умоляюще. Он мягко спросил: «Моя дорогая леди, пожалуйста, скажите мне, какого цвета брошь? Что выгравировано на обратной стороне?»

Миссис Лоуренс была в полной панике. Размахивая руками, она посмотрела на мистера Лоуренса, словно прося о помощи: «Я... Я забыла, я сделала это... Я сделала это, вы должны мне поверить!» Она схватила Эвана за руку и заговорила умоляющим тоном.

Эван просто равнодушно посмотрел на неё: «Мадам, пожалуйста, расскажите мне».

«Не спрашивай меня снова! Дьявол! Ты отправишься в ад!»! — Она схватила Эвана за рукава с ненавистью и гневом в глазах.

Герцог Уилсон нахмурился, и хотел было шагнуть вперёд, чтобы спасти Эвана. Шериф Чендлер тоже быстро отреагировал и приказал полицейским оттащить миссис Лоуренс от Эвана. Ситуация грозила выйти из-под контроля. Все были ошеломлены странным поведением миссис Лоуренс.

«Розовая жемчужина, а на обратной стороне броши написано: «Моей дорогой Мэри, твой благочестивый Джон»».

Голос мистера Лоуренса остудил всё это безумие. Он не был ни громким, ни тихим, он говорил так, словно читал нежное любовное стихотворение.

<http://bllate.org/book/14529/1286985>